

с. 3.

Театр и искусство.

Театральные записки. А. Чехова
как автора драматических произведений, кроме, разумеется, его водевилей, всегда упрекали в претенциозности. Все, дескать, ему хочется сказать что-то особенное, чего другие не говорили; взять обиходные жизненные положения, но повернуть их такой стороной, с которой их еще не видели; словом: страсть к оригинальности без средств быть оригинальным в действительности, мажорничанье какое-то противное и больше ничего! Меня только всегда порождала несправедливость такого отношения. Что-бы, казалось, за беда, что человек, писатель, да еще писатель несомненно даровитый, оказывается живо интересующимся психологией новостности, психологией окружающей жизни в ее будничных проявлениях и пытается выразить свои наблюдения в драматической форме. Идти это тот-же эксперимент. Пусть опыты выйдут не удачными, разит от этого обезличивается и самый метод исследования? Никто, сколько я помню, не доказывал, что его наблюдения ошибочны, а выводы ложны в своем основании, что лица, выведенные им в пьесах лишены авторской фантазии, а действительность их не знает и т. п. Этого не говорил. Великий, знакомый с А. Чеховым, как писателем, дол-

жен был признать, что и без автора, мало что склонного к фантазированию, «прекрасным» смыслом, пленяющего слух!» Чехов — реалист, трезвый и остроумный наблюдатель действительности и психологии. Психолог по преимуществу. Задачи психической психологии, возможность разрешить научную проблему в форме образно-художественного произведения, беруть, а в последнее время в особенности, в печать вера над всеми остальными. Здесь не место разбирать и доказывать это положение, но оно безусловно верно.

Такому именно заданию он рбщает в «Иванове». Что такое «Иванов»? Это вы, я, мы, это вообще тип современного, хотя и отживающего уже значения, жизненная катастрофа которого развивается на почве безволия и рефлекса.

Будучи человеком, порядочным, добрым, не глупым, полным доброжелательности и благих намерений, он в конце концов, надвигая окружающим людям кучу неприятностей, признает себя немалоспособным и кончает с собой выстрелом из револьвера. Почему-же? Каким путем он пришел к этому безотрадному выводу? Ответ на этот вопрос и пытается дать пьеса г. Чехова. Герой этой пьесы, 35-ти лет отроду, приходит к банальному для себя выводу, что для него нет будущего, что ему и не жить и не зачать жить. Он переживает мучительные минуты сознания, что для него все кончено, что как-бы он ни пытался вылезти снова на поверхность земного мира, он все равно потонет, только агония продлится несколько дольше. Мы же знаем, что прошлаго Иванова, он говорит о себе в довольно скромных выражениях: «Я был в начале много и непосильно работал на общую пользу, а в результате всего только разбитые нервы, шоты вры в себя и в окружающие, величина, чисто отрицательная.

Словом, человек воплел в жизнь с намерением переиздать ее по своим, вычитанным в хороших книжках, идеалам, забывав совершенно, что-то, что создавалось вками, работой пдых покладный людей, то вкпко сидеть на захваченном мбте и уступить только равному количеству энергии.

Действие равно противодействию, вот механический закон, impossibility которого оправдан и для явлений другого порядка. Его увлекало воображение, живописная сторона его предполагаемой миссии. В этой сфере все создавалось так легко, так просто, так логически были ясны выводы из обданных посылок. Но действительность отличалась от эмпиризма. Из действительности на каждом шагу встречались такие препятствия, о каких и не подозревало воображение. Что-бы успешно с ними бороться, надо было брать эту действительность такую, какой она была, надо было воспитать в себя характер, созидать долг, и вооружившись таким образом, шаг за шагом медленно двигаться во враждебно настроенную страну. Но он, Иван Иванов, Иванова. Безоружный, живущий нормальными, историческими для которых живо воображение и тонкий, диалектически развитый ум услаживали себя также убедительную аргументацию, он был похот благих намерений, но совершить ничего не мог. Напротив, всякое его начинание обращалось ему во вред. Стоило ему увлечься хорошей и не глупой идеей, как воображение нарисовало ему райскую картину ожидающего его блаженства. Он спасает ее из среды, которая не способна одвигать душу, тогда как он, он воспитает ее, создаст себе настоящего друга, помощника в его широком общественном начинании. Воображение заиграет. Он сам вбрыз в сердце, и прошость своих намерений и, конечно, убивает ее. Желания, увлеченный не столько содержанием, ивертиваемыми перед ним картин, сколько красноречием своего воображения, бросает родных, религию и идет за щим. Прошло пять лет! Пять чувств окупил и красивые, радужные, мыльные пузыри совмещенного подвижничества лопнули и исчезли вывет с ними. Наступил рефлекс. Ничего не оказывалось, кроме татостного сознания, вала-ленного на себя, как камень, не выполненного и не выполняемого долга. Если бы на его месте был прямолинейный человек, то дело упростилось-бы в значительной степени. Отдававшие кань-нибудь афоризмом, вроде, напр., Шурочкиного — «люди не властны в своих чувствах», он самым основательным и беззаботным образом предавался своим новым увлечениям и надеждам.

Но дело-то в том, что рефлектирующее сознание или, говоря проще, совесть сейчас же докладывала ему точную нравственную расписку такого поступка и он останавливался на полдороге, не имея мужества идти вперед, не имея сил возвратиться назад...

Из этого неп драма. Правда, что с внешней стороны он обломился еще тем, что Иванов, тонко и болезненно чувствующий малейшие оттенки в своих отношениях к людям, окружен помятой человеческих равнодушием.

совершенно застрахованных от этого отщепенства. Но эти Ивасьевы, Львовы, Воронины, Москалы и т. д. совершенно превращаются в людей, для которых рефлексирующий Иванов — нечто неслыханное. Они отлично, по себе, понимают, что такое Иван, но не могут оторваться, если его надуть мроданным. Особенно, когда его собственными денежными дала не блещущими. Понимают, что обманулись на молодца, ставшего дуть и на воду, что прогадали на очей. Иванов собираются погнать в своем дала на счет, а потому распускают по уезду далам легионы и сь полной дифференциацией и удовольствиями считуют его тончайшим блещущим и пройденным. Появляясь будучи удивленными добрых людей, когда окончательно запутавшись к своей сестры и поступкам, Иванов, разрубает гордость

увести выстрелом из револьвера, под аккомпанимент „подпева“, брошенного ему в лицо из видя напутствия отпущенно-сознательным Правдолюбцам, нестерпимо-честным вежливый вынужден, фигуру которого никак не могли простить. Цехову разные псевдо-наимень и радикалы из петербургской и московской печати.

Разыграна была пьеса безукоризненно. Хвалить кого-либо из отдаленности не приходится, так как высшая мотивация для актера — это совершенный ансамбль исполнения. Мы очень желали бы, и надеемся, что бы эта из высшей степени интеллигентная и содержательная пьеса стала репертуарной. Было бы обидно за публику, если бы она добровольно лишила себя возможности видеть пьесу, которая в таком блестящем исполнении, каким мы наслаждались 7-го ноября, даже не будучи пьесой сама по себе, приобретает ценность, как произведение искусства актеров, искусства наиболее близкого и наиболее полно отвечающего на самые сокровенные запросы человеческого сердца! Но пьеса интересна и сама по себе. Ивановская драма, это для многих из нас драма личная, драма, в которой мы, если и не играем главной роли, то принимаем участие в качестве второстепенных персонажей. Это ключ к пониманию многих явлений окружающей жизни, мимо которых мы проходим, не останавливаясь, потому что их психологический смысл от нас ускользает...

Накануне мы видели в таком же безукоризненном исполнении одну из лучших пьес А. М. Островского — „Доходное место“.

Театр был пуст на три четверти. Даже такое райское место, как палата, было далеко не полным. Это уж совсем грустно, так как так-то в сидит настоящая театральная публика, ради которой, как ради грек библейских праведников, гнать Божий гонимый русский театральная лавина.

Н. Н.-в.